

Производство студии „Диафильм"
1960 г

Мы приехали в аэропорт встречать папу, который возвращался из Иркутска. Мы приехали точно вовремя, но оказалось, что иркутский самолёт намного опаздывает.

3

У мамы сразу испортилось настроение. А я стал смотреть по сторонам и увидел знакомого лётчика, того самого, который ехал с нами в автобусе.

„Сейчас я всё узнаю", – подумал я и побежал за лётчиком. Но он шёл очень быстро, открыл какую-то дверь и скрылся.

Я подошёл к этой двери и услыхал голос лётчика: „Иркутский не появлялся?" – „Больше часа не можем наладить связь, – ответила женщина. – Да вы не волнуйтесь. Ведь он опытный пилот".

И тут я догадался. Иркутский! Это самолёт, на котором летит папа. Я открыл дверь. Лётчик оглянулся, и я сказал: „Мой папа летит на иркутском".

– „Ты что испугался? Связь восстановят". – Лётчик говорил, но я плохо его слушал. Мне захотелось почему-то быстрее уйти. – „Ну, я пошёл, мне к маме надо".

8

Мы сидели с мамой в зале. И тут я снова увидел лётчика. – „Товарищ!“ – крикнула мама. Он подошёл. – „Я волнуюсь и поэтому решила вас окликнуть. Почему-то до сих пор нет иркутского самолёта“.

Лётчик посмотрел на меня, и я отвернулся. Я очень испугался, что он сейчас всё расскажет маме.

— Не бойтесь. Плохая погода, где-нибудь сидит, — сказал лётчик. — Там отличный пилот. Я его ещё мальчишкой с войны знаю. Если хотите, могу про него историю рассказать — всё равно нам ждать.

11

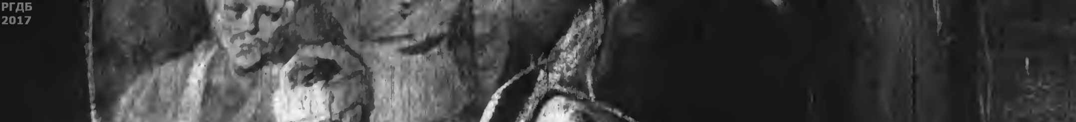
Было это в 1941 году. Пилот считал раненых, которые входили в самолёт. Все напряжённо прислушивались к размеренному счёту... Четырнадцать, пятнадцать...

Потом он замолчал, и в самолёт влезло ещё несколько раненых. – „Всё, – сказал он. – Больше нельзя". – Остались трое раненых и ещё здоровый мужчина с мальчиком. Но пилот сказал: „Всё. А то не взлетим".

Трое молчали. Раз нельзя, то нельзя. Хотя они знали: если останутся без врача, могут умереть от ран. Но они молчали, и человек с мальчиком тоже молчал.

14

Эти трое собрались уже уйти. Тогда пилот крикнул в самолёт: „Сдать оружие и лишние вещи!"

Скоро у самолёта выросла горка автоматов, пистолетов, шинелей. Кто-то выбросил несколько пар сапог. Тогда трое раненых тоже скинули сапоги.

– Ну, входите, – сказал пилот. И трое, ступая босыми ногами по железным ступеням, поднялись в самолёт.

Пилот уже хотел убрать лесенку, но мужчина с мальчиком сказал: „Товарищ, паренька захвати. Необходимо...“ – он что-то хотел добавить, но не стал.

Пилот нехотя отстегнул кобуру с пистолетом, сбросил кожаное пальто и кивнул мальчику: „Входи..."

Самолёт дрогнул, и рёв моторов разорвал ночную тишину. Машина медленно побежала, переваливаясь на кочках, но всё же набрала положенную скорость и тяжело взлетела.

Люди в самолёте прислушивались к шуму моторов. Они летели в ночном, тёмном небе, как слепые, ничего не видя, а где-то под ними лежала земля.

И вдруг они прозрели – самолёт попал в луч вражеского прожектора.

Пассажиры самолёта поняли, что они на краю катастрофы. Каждую секунду они могли погибнуть, но никто не шелохнулся, потому что, если бы у них под ногами была земля, то они бросились бы на врага и дрались. А тут они были в небе. К земле их привязывал только острый луч прожектора, который готовил им гибель.

Все были в напряжении. А мальчик ничего не замечал. Он думал об отце и плакал. Отец его погиб несколько дней назад в бою с фашистами.

Пилот попытался уйти от прожекторов, но они ухватили его крепко. Раздался залп, второй... Самолёт сильно тряхнуло, однако он упрямо летел вперёд, делая крутые виражи.

Наконец прожекторы пропали. Разрывы стали глуше. Но теперь летел не самолёт – навстречу летела земля. Она была большая, больше неба. Моторы самолёта не работали.

Самолёт ударился о землю, подпрыгнул, резко накренился. Пилоту всё же удалось выровнять машину. Она пробежала метров четыреста и замерла у самых деревьев.

Пилот вышел из кабины и обвёл всех взглядом. Посмотрел на мальчика, подмигнул ему и улыбнулся. И мальчик первый раз после гибели отца робко разжал губы.

28

Потом пилот открыл дверь и вышел осмотреть самолёт. Скоро он вернулся: „Пробиты баки. Ни капли горючего. Надо попытаться достать бензин".

29

– Коммунисты, прошу поднять руки, – сказал бородатый партизан. Подняли руки пилот и трое раненых.
– Пойду я, – сказал бородатый, – товарищ пилот и...

30

– „Я пойду". – Все оглянулись. Это говорил мальчик. – „Я уже не раз ходил в разведку". – „Хорошо. Пойдёшь ты".

Бородатый встал, поправил руку на перевязи и сказал: „Я, Михаил Скопин, коммунист". – Пилот встал с ним рядом и тоже сказал: „Я, Андрей Беспалов, коммунист".

И тогда все посмотрели на мальчика. Он сказал тихим голосом: „Я, Коля Федосов, пионер“.

К полудню они вышли к деревне. – „Дождёмся ночи“, – предложил Беспалов. – „Ночью скорее поймают, – ответил Коля. – Я сейчас пойду“. – Скопин молчал, он был опытный партизан и понимал, что мальчик прав.

– „А что ты будешь говорить, если в деревне фашисты?" – спросил Беспалов. – „Не первый раз. – Глаза у Коли сузились и стали злыми. – Ну, я пошёл".

Он подобрал на ходу прутик и, размахивая им, запылил к деревне. Мальчик ни разу не оглянулся.

– „Да, – сказал наконец Беспалов, – это тебе паренёк!“ – Они лежали в кустах и ждали. Наступила тревожная ночь. Скопин задремал, а Беспалов всё ждал, когда же придёт мальчик. Он решил ждать до утра, а утром идти в деревню. И вдруг послышался осторожный шёпот: „Товарищи...“ – Беспалов узнал голос мальчика и громко крикнул: „Коля! Мы здесь!“

– „Не знаю, зачем вы так кричите. А ещё военный лётчик", – сказал Коля. От него пахло бензином. – „Прости, Коля. Я рад, что ты вернулся". – „Идёмте за мной", – прошептал мальчик.

38

Они прошли шагов тридцать вдоль опушки леса и увидели две фляги из-под молока. Беспалов наклонился к большой фляге. – „Вам одному не поднять, – сказал Коля. – Её несли две женщины“.

– Женщины дотащили, а я не смогу? – Беспалов присел, обхватил флягу, поднял и поставил её на плечо. Вторую понесли Коля и Скопин.

40

К утру Скопин, Беспалов и Коля добрались до самолёта, а через полчаса самолёт приземлился на московском аэродроме.

41

Партизан отправили в госпиталь. – „Ну, а тебе куда?“ – спросил Беспалов Колю. – „У меня письмо в Главный партизанский штаб. Там меня направят...“ – „А мама твоя где?“ – „Мамы нету“.

У Беспалова непривычно защекотало в горле. – „Вот что, в Главный штаб ты успеешь сходить, а сейчас шагом марш ко мне домой!“

43

Беспалов договорился в партизанском штабе, и Коля остался жить у него. Но скоро им пришлось расстаться. Беспалов получил новое боевое задание.
– „Ты мне, браток, пиши. А закруглим войну, будем вместе бороздить пятый океан“.

– „А что за пятый океан?“ – „Ну как же. На земле четыре океана. А пятый самый великий океан – это небо“. – Беспалов поерошил Колины волосы и неловко поцеловал в ухо.

– „Подождите, – сказал Коля. Он вытащил из кармана фигурку ослика. – Это я выпилил из дерева в партизанском лагере и на костре обжёг. Хотел отцу подарить ко дню рождения. Возьмите его в полёт".

Заговорило радио, и лётчик замолчал. Прибывал иркутский самолёт. – „Вот видите, – сказал лётчик, – Коля Федосов не подводит. У него партизанская закалка".

И вдруг лётчик встал и ушёл. – „Мама, – сказал я, – как же он ушёл? Про Колю Федосова мы всё узнали, а про Беспалова?“

Наш лётчик стоял у выхода на аэродром. Он смотрел вдаль и в руке вертел длинную цепочку. К этой цепочке был привязан чёрный ослик.

49

– Мама, – шептал я, – это Беспалов. У него в руках ослик Коли Федосова. – Но тут объявили, что иркутский самолёт идёт на посадку. И мама сразу забыла про всё.

Перед нами лежало широкое поле аэродрома. А над ним синее небо. „Так вот что такое пятый океан", – подумал я и тут же увидел серебристый „ИЛ". Это был наш иркутский самолёт.

Конец

Редактор Е. Кавтиашвили
Художественный редактор А. Морозов

Д-299-60 Б 02370

Студия „Диафильм"
Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20